

В. В. НЕСТЕРОВ,

*министр общего и профессионального образования Свердловской области,
кандидат педагогических наук, Заслуженный учитель РФ*

ЯЗЫК И ОБЩЕНИЕ: ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

Приступая к рассмотрению заявленной темы, приведем некоторые основополагающие требования Закона РФ «Об образовании». Пункт 4 ст. 14 гласит: «Содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений». Другими словами, содержание образования должно содействовать общению по поводу, а не назиданию по поводу и без повода. Пункт 5 этой же статьи: «Содержание образования в конкретном образовательном учреждении определяется образовательной программой, разрабатываемой, принимаемой и реализуемой этим образовательным учреждением самостоятельно» — приводит к простому и ясному выводу о том, что «образовательная программа — это программа организации общения между участниками образовательного процесса для достижения реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений». Педагогами при этом может использоваться большое количество методов и средств, в том числе, естественно, и совокупность чисто учебных дисциплин. Однако стержнем всего является язык, но не только и не столько как учебный предмет, сколько как система звуковых, словарных, грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе.

Закон также точно указывает нам и на результат образования для отдельного обучающегося, при чем независимо от уровня получаемого им образования. Этот результат — «адекватный мировому уровень общей и профессиональной культуры личности; наличие

у обучающегося адекватного современному уровню знаний и уровню образовательной программы (ступени обучения) картины мира. (В этом месте стоит оговориться, поскольку некоторые понимают это таким образом, что именно у ученика должен быть этот самый уровень знаний, как у академика, а закон-то требует от ученика иметь адекватную картину, то есть представление!) Далее закон предлагает в качестве результата приобщение личности к национальной и мировой культуре. И наконец, к результату образования закон относит интегрированность человека в современное ему общество, развитие у него гражданских качеств, наличие которых обеспечит нормальное существование и развитие этого общества».

Ребенок, подросток, в период своего пребывания в полной средней школе проводит в обществе педагогов почти 10,5 тысяч часов активного общения, а если прибавить сюда дошкольное образовательное учреждение, то больше 16 тысяч часов, не говоря уже о времени, проводимом в системе дополнительного образования. Это дает нам основание задавать себе аналитические, экспертные вопросы.

Во-первых, почему дети перестают говорить в процессе активного продвижения к вершинам образования? Почему это происходит при наличии в базисном учебном плане около тысячи учебных часов по государственному языку? Почему радостные и говорливые ученики начальной школы превращаются в юношей и девушек с опущенным взором, с трудом подыскивающих слова для формирования полного предложения, то есть законченной мысли? А как же задача интегрированности человека в современное ему общество?!

Во-вторых, почему дети перестают излагать *собственные* мысли так, как делали это в детском саду или в начальной школе? Там ребенку всегда хочется что-то сказать, в классе,

что называется, «лес рук». Иногда у ребенка возникают такие образы и ассоциации, что сразу и не уловить связи, но очень уж им хочется всему миру сказать, что мне, мол, шесть лет, и у меня такая-то есть игрушка, и мою маму зовут так-то и т. д. Но медленно и верно возникает ситуация, при которой «субъект» нашего образования перестает говорить по собственному желанию, начинает мучительно вспоминать правильный ответ, правильный не по существу, а с точки зрения того, что хочет услышать учитель или другой взрослый. Ребенка-то как раз можно понять — неправильных ответов у нас не любят, за них двойки ставят, но как же понять учителя, который всегда пытается вмешаться с такой фразой: «Ну что же ты, вспомни, что я говорила (или говорил)!» А как же требование закона и самой жизни о том, что каждый новый входящий в общество призван его совершенствовать, и прежде всего, собственными мыслями, собственными взглядами?!

В-третьих, почему при всей, казалось бы, гуманистической направленности нашего образования с таким трудом происходит освоение учащимися гуманистических ценностей в качестве альфы и омеги собственной жизни? Начнем с простого: почему при таком обилии в курсе общего образования великой литературы, других составляющих, относимых к гуманитарным, наши дети так легко втягиваются в сленговую среду? Конечно, следует сделать поправку на стремление молодежи к некоторому протесту и демонстрации «отрицания устоев» старшего поколения. Проблема ведь не в том, что на определенном этапе значительная часть детей, подростков и юношества стремятся к самоутверждению в своем кругу такими способами. Вопрос в другом — сколько из них имеют достаточный запас прочности, чтобы восстановиться для нормальной жизни в обществе, к качественному общению. К сожалению, практика показывает, что все больше и больше бывших молодых людей, а ныне уже выраженных, так сказать, «переростков» продолжают общаться на птичьем языке, по сравнению с которым даже словарь Элочки Щукиной — смысловой Клондайк. Далеко ли до того, что мы видели в фильме «Кин-Дза-Дза» с его великим и всемогущим «КУ»?

Очевидно, результат образования нельзя оценивать только по прикладным показателям, например итоговой аттестации, или поступлению на следующую ступень образования, настоящий результат проявляется пролонгировано. Если какие-то гуманистические ценности человеком освоены и стали его лич-

ным достоянием, определяющим образ жизни, вот тут можно говорить и о результате. Когда мы говорим о способности к общению, коммуникативной, то есть о нормальном вхождении в общественные отношения, мы часто имеем в виду отношения человека с «неродными» людьми: работодателями, властью, знакомыми. Но статистика неумолима: каждое шестое преступление совершается в быту, дома, в собственной семье. Где то место в структуре наших образовательных программ, в котором отфильтровывается все лучшее, главное, самое необходимое человеку для жизни, и остается лишь дистиллированная жидкость из программных сведений?

Нам необходимо обсудить проблему диалога в образовании. Общеизвестно, что диалог — это разговор между двумя или несколькими лицами. Менее применимо толкование, что диалог есть свободный обмен мнениями, и в этом как раз заключается проблема школьного диалога, ибо у нас он зачастую имеет характер навязывания. Это проявляется прежде всего в том, что тема для общения, как правило, определяется одной стороной (понятно какой); при этом вторая сторона, в силу своего положения, вынуждена демонстрировать заинтересованность. Такого рода диалоги на второй или третьей минуте склонны перерождаться в обычный опрос при ответе с места. Диалог при этом умирает, поскольку вторая сторона начинает отчетливо понимать, что от нее ожидают правильного ответа, а не мнения. Кроме того, ординарный школьный диалог всегда развивается в опасности перерасти в монолог по разным причинам: диалог приобретает опасный для учителя характер или, по мнению учителя, развивается не в ту сторону (то есть не соответствующую его методической задумке), или урок на исходе, а «программа», с позволения сказать, не выполнена.

Так нужен ли диалог в образовательном процессе? Хотелось бы обратить внимание на несколько иную сторону этой проблемы и предложить для обсуждения формулу: «Диалог как форма существования образовательного учреждения». Само существование образовательного пространства — союза всех объективно и субъективно заинтересованных в образовании сторон — возможно только тогда, когда школа в качестве своей внешней и внутренней политики имеет диалог. Только тогда, когда школа настроена на конструктивный, равноправный разговор с одним или многими участниками, на обмен мнениями, на учет этих мнений в своей образовательной программе, появляется возможность

исключить из образовательной деятельности сугубо эгоистические устремления одной из сторон или бездумное следование, подражание неким сомнительным новациям. Два примера для иллюстрации этого посыла.

Некоторые образовательные учреждения, сначала в больших городах, потом в средних, а сейчас уже и там, где больше двух школ, вдруг решили, по признакам, ведомым только им, что они лучше других. Они пытаются выставить фильтр: это ученик нашей школы, а этот нам не подходит. В них это непрофессиональное и антиконституционное хулиганство начинается уже при приеме в первый класс. В других «отбор» пока еще держится на уровне окончания основной школы, а потом начинают сортировать собственных учеников по принципу «наш — не наш» и еще искать «своих» в других образовательных учреждениях. Подчеркнем, что бы ни говорили публично подобного рода деятели, какие бы красивые слова ни эксплуатировали, как бы ни рядились в тогу гуманистов, вывод однозначен: нет там никакого педагогического сообщества, никакой диалоговой политики и самого диалога! Там есть в худшем виде профессиональная корпоративность, направленная на выведение себя из педагогики, и присвоение результата, к которому такое образовательное учреждение на самом деле отношения не имеет.

Другой пример о так называемом «профильном» и «предпрофильном» образовании (то есть «предпрофильная» — это подготовка). Если в очках и с карандашом в руках проштудировать закон и даже Конституцию РФ — ничего подобного там нет. Попробуем определить, что же это такое. «Профильность» — это, согласно толковым словарям, совокупность типических признаков хозяйства или производства. Отсюда следует, что термин «предпрофильность» не имеет права на существование, потому что в переводе означает ни больше, ни меньше, как предсовокупность признаков и качеств. Возможно, с некоторыми

оговорками, существование профильного образовательного учреждения, имеющего некую совокупность признаков и качеств для реализации профессионального образования, но не может быть профильного образования. Почему же не употребляется терминология, принятая законодателем: профессиональное образование, предпрофессиональная подготовка, профессиональная ориентация? Потому что слишком заметен будет удар, который пытаются нанести в интересах высшей школы по общему образованию — огромному достижению нашей культуры, нашей цивилизации. Человечество много экспериментировало по формам ознакомления новых поколений с тем, что удалось понять и сделать в предыдущий период, и, в конце концов, пришло к выводу: нужна система общего ознакомления всех рождающихся с опытом развития общества в основах наук, в художественной культуре, нравственности и прочем, а затем, в том числе и на этой основе, — подготовка по одной из профессий. При этом совершенно ясно, что общее образование как основа социализации — одно, а профессиональных за долгую человеческую жизнь может быть несколько.

Эти проблемы мы — педагоги, должны рассматривать и давать экспертную оценку своей деятельности. Не потому, что мы плохо работаем, а потому, что мы должны (в силу того, что поколения меняются, а мы остаемся) постоянно и жестко оценивать себя, актуализировать себя для нового времени, для каждого нового поколения, приходящего к нам за образованием. Мы не должны себя обманывать: дети идут в сад, школу, клуб, дом творчества не для того, чтобы посмотреть на нас, и часто даже не для того, чтобы учиться. Они идут, чтобы общаться с нами, со сверстниками, с давно ушедшими и будущими. У них жажда общения — это духовная жажда. Через общение можно достичь очень многого из того, чего мы никак не можем достигнуть путем назидания.